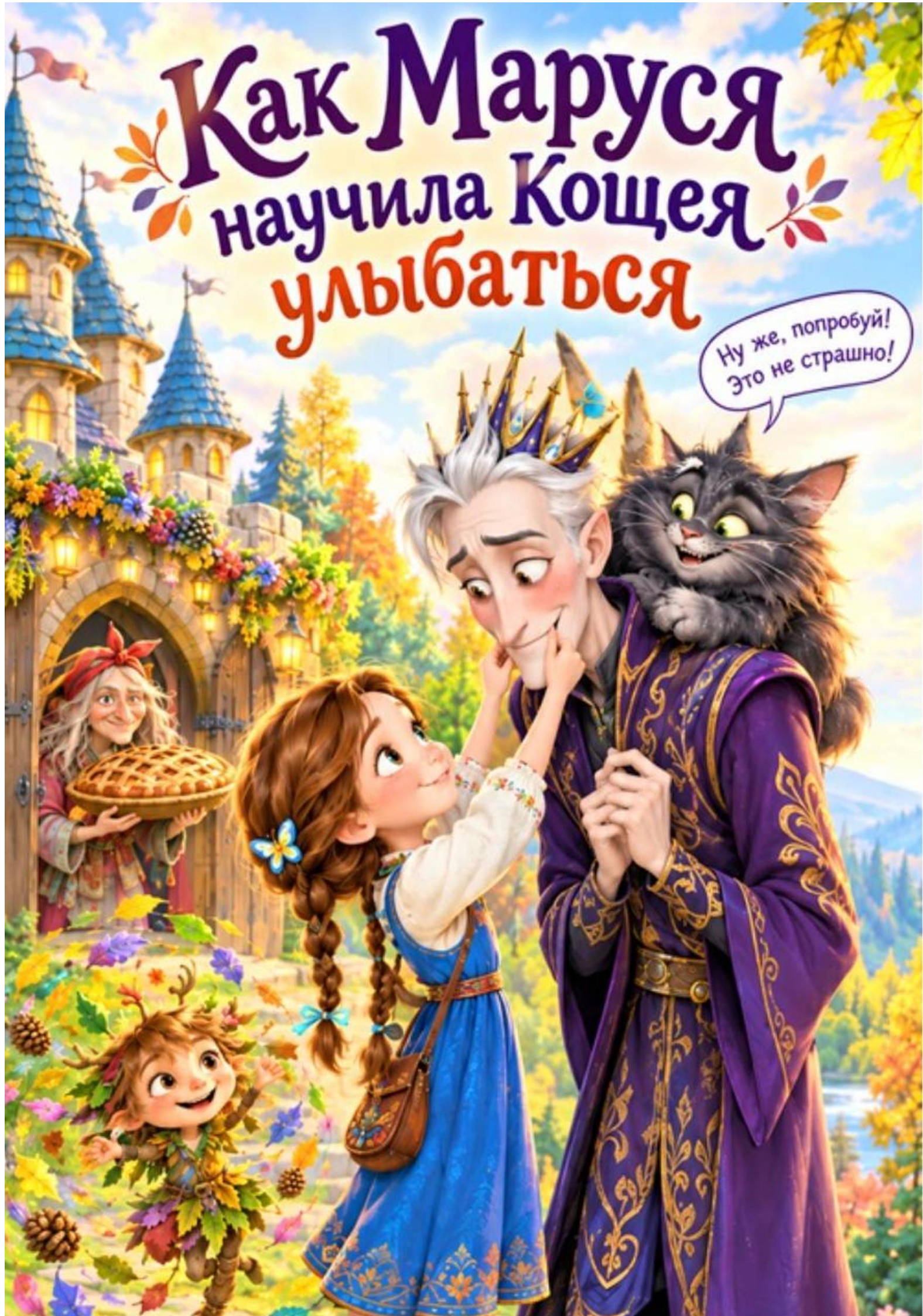

Как Маруся научила Кощея улыбаться

Ну же, попробуй!
Это не страшно!

Лина Вей

**Как Маруся научила
Кощея улыбаться**

«Автор»

2026

Вей Л.

Как Маруся научила Кощея улыбаться / Л. Вей — «Автор», 2026

«Все знают: Кощей Бессмертный — самый страшный злодей в трёх царствах. Его замок мрачен, его взгляд холоден, а про иглу в яйце шепчутся даже мыши. Но никто никогда не задумывался: а что, если Кощею просто очень одиноко? Однажды к его воротам подходит девочка Маруся — и видит не страшное логово, а просто большой красивый дом, где темно и тихо, и где живёт ворчливый, но ужасно одинокий бессмертный. Вместе с болтливым котом Баюном, шумной Бабой-Ягой и маленьким лесным духом Пыхом. Маруся затевает целую череду маленьких приключений: ищет пропавшие шишки, устраивает праздник, помогает ветру не унести крышу и даже отправляет письмо, которое Кощей хранил много лет. Эта сказка о том, что иногда победить зло проще не мечом, а добрым словом. И что даже самый грозный злодей может просто хотеть посидеть у окна и попить чаю с кем-то, кто не боится его имени. Для детей, которые любят волшебство, юмор и истории, где добро побеждает не силой, а теплом».

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Как игла устала лежать в сундуке	5
Глава 1. Маруся и большой красивый замок	7
Глава 2. Кот Баюн: не усыпляет, а болтает без остановки	9
Глава 3. Баба-Яга заходит «на пять минут» и остаётся на чай	11
Глава 4. Игла просит о помощи	13
Глава 5. Лесные проблемы: кто-то ворует шишки	15
Г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лина Вей

Как Маруся научила Кощея улыбаться

Пролог. Как игла устала лежать в сундуке

В сундуке на самой верхней полке лежала игла. Она была тонкая, острая и ужасно скучала. Время от времени она тихонько вздыхала, и тогда её ушко чуть подрагивало.

«Сто лет тут лежу, — думала игла, — ни пошить, ни вышивку сделать, только про смерть напоминать... А ведь я могла бы заплатку на рукаве закрепить, или цветок на сарафане вышить, или хотя бы нитку вдеть и просто покружиться в руках у мастерицы. Эх...»

Рядом с сундуком, в соседней комнате, у окна сидел Кошей Бессмертный. За окном шёл дождь — не тот ливень, от которого хочется спрятаться под одеяло, а такой тихий, нудный, когда капли стучат по стеклу, будто кто-то перебирает бусины на счётах. Кошей смотрел на эти капли и вздыхал так тяжело, что даже паук в углу встревоженно шевельнул лапками.

— Вечность, — пробормотал Кошей, не отрывая взгляда от стекла, — это когда даже паук в углу уже стал почти другом, а всё равно не с кем чаю попить.

Он поправил тёмный плащ, который давно уже не казался ему грозным, а скорее тяжёлым и неудобным. Потом покосился на дверь, будто надеялся, что сейчас она распахнётся и кто-нибудь ворвётся с криком: «Кошей, беда!» — а потом окажется, что никакой беды нет, просто сосед зашёл поболтать. Но дверь не распахнулась. Только ветер тихонько подвывал в трубе, как будто тоже скучал.

Кошей вздохнул ещё раз, уже почти с обидой:

— Ну хоть бы кто-нибудь пришёл и сказал: «Ты тут не один». Хоть бы даже с мечом. Хоть бы даже чтобы победить. Главное — чтобы живой. И чтобы после победы остался на чай.

Тут из сундука донёлся тихий, но отчётливый голос:

— А я тут! Я живая! Но, условно...

Кошей вздрогнул и резко обернулся:

— Это кто сказал?

Из щели сундука выглянуло крошечное ушко иглы.

— Я сказала. Ты ведь тоже живой, хоть и бессмертный. А сидеть в тишине — это одинаково скучно и людям, и иглам.

Кошей на секунду замер, потом фыркнул:

— Ты ещё разговаривать будешь?

— А что мне остаётся? Лежать и напоминать про смерть? Надоело. Я лучше про жизнь поболтаю. Про нитки, про ткани, про то, как красиво стежки ложатся... Если хочешь, могу даже сказку рассказать. Правда, короткую — я же маленькая, много слов не удержу.

Кошей невольно усмехнулся — сам не заметил, как уголки губ поехали вверх:

— Сказку от иглы? Это что-то новенькое. Ладно, рассказывай. Но коротко. А то я не привык к долгим разговорам.

Игла тихонько звякнула, будто прокашлялась, и начала:

— Жила-была нитка... Длинная-предлинная, и всё время хотела куда-то убежать. А я её держала. И знаешь, что? Без неё я просто блестящая железка. А с ней — почти волшебница. Мы с ней столько всего сшить могли...

Кошей слушал, и вдруг ему стало чуть теплее. Не от печки — она давно остыла, — а от того, что хоть кто-то рядом что-то говорит. Пусть даже это игла.

— Ну ладно, — буркнул он, стараясь не показывать, что ему приятно, — не лежи там одна. Переложу тебя... э-э... в игольницу, что ли. Пусть будет как будто ты на дежурстве.

— На дежурстве? — радостно звякнула игла. — Это уже звучит как дело! Главное, чтобы не «на страже смерти», а «на страже уюта».

Кощей хмыкнул, подошёл к сундуку и осторожно вытащил иглу. Она тут же устроилась в игольнице, будто всю жизнь там и жила, и даже чуть повернулась, чтобы лучше видеть комнату.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Теперь я не просто предмет, а почти хозяйка.

Кощей снова посмотрел в окно. Дождь всё ещё шёл, но теперь он казался не таким унылым. Будто в комнате стало светлее, хотя ни одна свеча не зажглась.

— Знаешь, — тихо произнёс Кощей, будто самому себе, — может, вечность и не такая уж страшная штука... если не в тишине.

Игла ничего не ответила, но тихонько блеснула, будто улыбнулась.

Глава 1. Маруся и большой красивый замок

Маруся шла по лесу и ни о чём плохом не думала. Она вообще редко думала о плохом — чаще о том, как здорово, что у дерева ветки похожи на руки, а у муравья такие серьёзные усики, будто он всё на свете знает. А тут ещё бабочка появилась: золотистая, с тёмными пятнышками, и вела она себя прямо-таки подозрительно. То зависнет в воздухе, будто раздумывает, то резко метнётся в сторону, то снова повиснет, словно дразнится: «Ну догони, ну попробуй!»

— Эй, ты куда? — шепнула Маруся, потому что в лесу кричать не принято: вдруг кто-то спит или секрет обсуждает. — Я просто посмотреть хотела!

Бабочка будто кивнула крылышками и упорхнула за поворот. Маруся пошла следом, потом ещё за один поворот, потом ещё... А когда поняла, что тропинка куда-то исчезла, а вокруг стоят одни и те же деревья, будто подменили, было уже поздно. Лес стал гуще, тени длиннее, а небо затянулось серыми тучами, как будто собиралось устроить тихий, но основательный дождь.

И тут среди деревьев вырос замок.

Для всех, кто про него слышал, это была мрачная крепость: чёрные стены, острые шпили, ворота тяжёлые, будто специально сделаны, чтобы никто не вошёл. Говорили, что ветер там воет, как обиженный великан, а тени шепчут всякие неприятности. Но Маруся ничего этого не услышала и не увидела. Она увидела большой красивый дом с башенками — такой, о котором мечтаешь, когда строишь шалаш из одеял: чтобы обязательно была башенка, куда можно забираться и смотреть на весь мир сверху.

— Ух ты... — выдохнула Маруся. — Вот это да. Прямо как в сказке. Только тут темно. Наверное, лампу забыли зажечь.

Она смело подошла к воротам и постучала. Не робко, а так, как стучат, когда очень хочется чаю и немножко уюта.

За воротами что-то загремело, заскрипело, будто кто-то долго не вставал с кресла и теперь разминал кости. Потом раздался голос — низкий, раскатистый, специально сделанный, чтобы пугать:

— Кто там? И зачем? И почему без предупреждения?

— Это я, — честно сказала Маруся. — Маруся. Я заблудилась. А ещё я видела бабочку, она меня сюда привела. Ну, наверное. Или не привела, а просто летела в эту сторону... В общем, я тут.

Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы в щели показался Кощей. Он старался выглядеть грозно: брови нахмурены, плащ развевается (хотя ветра не было), взгляд такой, будто он прямо сейчас придумывает самое страшное проклятие. Но вышло скорее так, будто он очень устал и хочет, чтобы все ушли и дали ему спокойно допить остывший чай.

— Уходи, — прорычал Кощей, стараясь, чтобы голос гремел, как гром. — Тут страшно! Это замок Кощея Бессмертного! Тут тени шепчут, пауки плетут заговоры, а ветер поёт грустные песни!

Маруся наклонила голову, присмотрелась и вдруг улыбнулась:

— А мне не страшно. Тут просто темно. Давайте лампу зажжём? Или свечу. Или хоть фонарик, если есть. Тогда сразу уютнее станет.

Кощей даже опешил. Он столько лет тренировался быть пугающим, столько раз репетировал этот самый взгляд, от которого, по слухам, даже камни становились холоднее. А тут девочка смотрит на него не с ужасом, а с таким видом, будто он просто ворчливый дедушка, который опять не нашёл свои тапочки.

— Ты... ты не боишься? — уточнил Кощей, уже не так громко.

— Ну, — пожала плечами Маруся, — если бы тут было по-настоящему страшно, бабочка бы не летала. Она бы сидела где-нибудь под листиком и дрожала. А она кружилась, как будто звала. Значит, тут не страшно, просто... неудобно.

Кощей хотел снова зарычать, но вместо этого только вздохнул:

— Неудобно... Это ты точно подметила. Тут уже сто лет как неудобно. Никто не заходит, никто не говорит «давай лампу зажжём». Все сразу бегут и кричат: «Кощей, злодей!»

— А вы злодей? — спокойно спросила Маруся, будто спрашивала, любит ли он варенье.

— Ну... — Кощей замялся. — По должности положено. Но по ощущениям... скорее одинокий. И немного пыльный.

Маруся не стала спорить. Вместо этого она шагнула ближе, но не слишком, чтобы не напугать, и сказала:

— Давайте тогда не про злодейство. Давайте про лампу. И если у вас есть чай, можно и про чай. Я люблю с мёдом, но и просто с сахаром хорошо.

Кощей посмотрел на неё, потом на свои руки, потом на замок, будто видел его впервые. И вдруг уголки его губ дрогнули, как будто хотели улыбнуться, но ещё не решились.

— Ладно, — буркнул он, отворяя ворота чуть шире. — Заходи. Только не говори потом, что я тебя не предупреждал. Тут правда... неудобно.

— Ничего, — улыбнулась Маруся, проходя внутрь. — Сейчас зажжём лампу, и всё станет уютнее. Главное, чтобы паук не обиделся.

Внутри оказалось не так уж и мрачно, если присмотреться. Просто давно никто не протирал окна, и пыль лежала ровным слоем, как старое одеяло. В углу тихонько шуршал тот самый паук, будто прислушивался к разговору. На стене висели пустые крючки, будто когда-то на них висели фонари, но их забыли зажечь. А в воздухе пахло старым деревом, дождём и чуть-чуть — мёдом, будто когда-то здесь пекли пряники.

Кощей молча взял со стола толстую свечу, чиркнул огнём, и пламя вспыхнуло, разгоняя тени по углам. Тени нехотя отступили, будто понимали, что сегодня им не дадут шептать.

— Вот, — сказал Кощей, ставя свечу на подоконник. — Теперь... чуть светлее.

— И чуть уютнее, — подтвердила Маруся. — Спасибо. А можно я тут посижу немножко? Пока дождь не кончится. Или пока дорогу найду. Или... ну, если можно, просто посижу.

Кощей снова вздохнул, но уже не тяжело, а как будто с облегчением:

— Можно. Тут давно никто просто так не сидел. Даже паук рад, наверное.

Паук в углу будто кивнул усиками.

Маруся села на низенькую лавку, подтянула колени и посмотрела на Кощея так, что ему вдруг захотелось не рычать, а рассказать что-нибудь. Хоть про паука, хоть про старую лампу, хоть про то, как дождь стучит по крышам башен.

— Знаешь, — неожиданно для себя сказал Кощей, — я ведь даже не помню, когда в последний раз тут кто-то просто сидел. Без меча. Без плана спасения мира. Просто... посидел.

— Зато теперь помните, — тихо сказала Маруся. — И теперь тут не так одиноко.

Кощей хмыкнул, но в этот раз в хмыканье не было угрозы — скорее удивление, что такое вообще возможно.

А за окном всё шёл тихий дождь, капли стучали по крыше, будто перешёптывались: «Ну вот, наконец-то в замке стало чуть светлее». И даже бабочка, та самая, золотистая, присела на край подоконника, расправила крылышки и будто сказала: «Я же говорила, что тут не страшно».

Глава 2. Кот Баюн: не усыпляет, а болтает без остановки

После того как зажгли свечу, в замке будто что-то щёлкнуло — не замок, а само настроение. Тени перестали казаться злыми, а стали просто длинными и немного застенчивыми, будто не привыкли к свету. Маруся устроилась на лавке, подтянув колени, а Кощей, будто вспомнив, что он всё-таки хозяин, деловито поправил плащ и сказал:

— Ну, раз уж ты тут... может, чаю? Правда, у меня заварка старая. Зато чашка чистая. Почти.

— Почти — это нормально, — радостно кивнула Маруся. — Главное, чтобы ложка была. С ложкой всегда вкуснее.

Кощей как раз собирался пойти поискать эту самую ложку, когда из тёмного угла раздался голос — не грозный, не таинственный, а очень уж разговорчивый:

— Чаю? Чаю — это хорошо! Но сначала надо рассказать историю. Без истории чай — просто горячая вода с листьями. А с историей — целый праздник!

Из тени вынырнул кот. Огромный, пушистый, с глазами, в каждом из которых будто по маленькой луне светилось, и с хвостом, который жил своей отдельной жизнью: то обвивался вокруг лапы, то взмывал вверх, как флаг.

— Это Баюн, — буркнул Кощей, закатывая глаза. — Он тут живёт. И, к сожалению, разговаривает.

— Я не разговариваю, — тут же возразил Баюн, подходя ближе и обнюхивая Марусю с видом эксперта. — Я сказитель. Это совсем другое. Сказители не болтают — они обогащают культурное наследие.

Маруся захихикала:

— Ты как телевизор, только пушистый. И тёплый.

Баюн замер, будто его ударили подушкой:

— Телевизор?! Я — сказитель! Я могу рассказать про драконов, про дальние моря, про то, как луна однажды обиделась на солнце и спряталась на три дня...

— Он вчера три часа рассказывал, как поймал тень мыши, — тихо вставил Кощей. — Тень! Мыши!

— Не просто тень! — возмутился Баюн, подпрыгнув на месте так, что шерсть встала дыбом. — Это была особенная тень. Хитрая. Она умела прятаться за собственной темнотой. Я её выслеживал целую ночь! И почти поймал... ну, почти.

Маруся смотрела на него во все глаза и улыбалась так, будто ей подарили целый мешок конфет:

— А Расскажи ещё! Про луну, которая обиделась. Или про тень. Или вообще про что хочешь. Я люблю истории. Особенно если в них есть кто-то пушистый.

Баюн тут же расправил плечи, будто надел невидимый плащ героя:

— Вот! Вот это я понимаю — слушатель! Не то что некоторые... — он косо глянул на Кощея. — Некоторые только вздыхают и говорят: «Опять ты болтаешь». А ведь молчание — это тоже форма пустоты, а слово — форма света!

Кощей только фыркнул и пошёл ставить чайник на плиту, бормоча себе под нос:

— Свет... Да он тут весь свет своими историями заслони́л. Ни пройти, ни подумать.

Пока Кощей возился с чайником — гремел крышкой, дул на носик, будто тот мог обжечься, — Баюн устроился прямо у ног Маруси, вытянул лапы, распушил хвост и начал:

— Итак, слушай внимательно. Дело было в те времена, когда деревья разговаривали шёпотом, а звёзды спускались на землю, чтобы погреться у костров...

Маруся подпёрла щёку рукой и слушала, не отрываясь. А Баюн говорил и говорил, и чем дальше, тем больше в его истории появлялось невероятных деталей: дракон, который боялся щекотки; река, которая пела колыбельные; и даже старый пенёк, который мечтал стать креслом.

Иногда он останавливался, будто вспоминал что-то важное, и добавлял:

— Но это только между нами. Никому не рассказывай, а то легенда потеряет силу.

— Не расскажу, — шептала Маруся, хотя и понимала, что половина этих историй, наверное, прямо сейчас рождается у Баюна в голове. Но разве от этого они становились хуже? Наоборот — будто в них было больше волшебства, потому что оно рождалось прямо здесь, в этом полутёмном зале, рядом с тихим шипением чайника и шорохом паучьих лапок в углу.

Наконец Кощей поставил на стол три чашки — две нормальные и одну с отбитым краешком, которую он торжественно протянул Баюну:

— Держи. И постарайся пить молча хотя бы пять минут.

— Молчать пять минут?! — ужаснулся Баюн. — Да это же как не дышать! Я могу, конечно... но только если Маруся пообещает потом спросить: «А что было дальше?»

— Обещаю! — тут же сказала Маруся.

Баюн удовлетворённо кивнул, взял чашку лапами, аккуратно, как будто это был драгоценный кубок, и сделал глоток. Потом зажмурился, будто пытался удержать вкус на языке, и выдохнул:

— М-м-м... Да, это уже не просто чай. Это чай с историей.

Кощей сел напротив, посмотрел на эту картину — на девочку, которая не боится, на кота, который не может замолчать, и вдруг почувствовал, как внутри что-то тихо, но уверенно теплеет. Не от чая, а от того, что в его замке впервые за сто лет кто-то смеётся, слушает и говорит: «Расскажи ещё».

— Ладно, — проворчал он, будто сдаваясь перед неизбежным. — Пусть рассказывает. Только... если опять про тень мыши — я уйду в другую комнату.

— Про тень мыши сегодня не будет, — торжественно пообещал Баюн. — Сегодня будет про луну. И про то, почему она иногда светится особенно ярко — потому что ей кто-то улыбается с земли.

И он снова начал рассказывать, а Маруся слушала, и даже Кощей, делая вид, что просто поправляет воротник, на самом деле прислушивался, чтобы не пропустить ни слова.

А за окном дождь наконец стих, и в щель между ставнями пробрался тонкий луч света — будто сам вечер решил заглянуть в замок и посмотреть: что же тут происходит? И, увидев эту троицу — ворчливого Кощея, неугомонного Баюна и девочку, которая всему радуется, — улыбнулся и рассыпался по полу золотыми пятнышками.

Глава 3. Баба-Яга заходит «на пять минут» и остаётся на чай

Только-только в замке стало уютно, только Маруся успела пригреться рядом с тёплой чашкой, а Баюн — вдохнуть побольше воздуха, чтобы начать новую историю про летающий котелок, как вдруг снаружи раздался такой грохот, будто кто-то уронил целую связку кастрюль прямо на каменную дорожку.

— Это ещё что? — вздрогнул Кощей и машинально попытался принять грозный вид, но вышло как-то неуверенно: грозность плохо сочеталась с чашкой в руке и слегка растрёпанной мантией.

Баюн замер с приоткрытым ртом, будто история повисла на полуслове, а Маруся вскочила и подбежала к окну:

— Ой! Там ступа! И в ней... ой, она улыбается!

И правда: у ворот стояла ступа, слегка накренившись, будто устала лететь. А рядом, поправляя платок и отряхивая юбку, стояла Баба-Яга. Вид у неё был деловой, но глаза так и искрились озорством. Она постучала в дверь — не робко, а уверенно, как стучат те, кто знает, что их всё равно впустят.

Кощей закатил глаза, но дверь приоткрыл:

— Ну что? Опять лес шумит, деревья жалуются? Или на этот раз тучи неправильно плывут?

— Соседка я, — бодро заявила Яга, проходя внутрь и тут же оглядывая комнату так, будто проверяла, не завелись ли тут новые пауки. — Надо забор обсудить. Он у тебя покосился. Ещё немного — и сам в лес уйдёт, стесняясь своей кривизны.

Маруся смотрела на неё во все глаза:

— Вы — Баба-Яга? Настоящая?

Яга приосанилась, подмигнула и тихонько шепнула:

— Для тебя — просто тётя Яга. Если, конечно, ты не хочешь строго по этикету: тогда «госпожа Яга», но это долго выговаривать, а я тороплюсь... ну, то есть, не тороплюсь, просто люблю, когда всё сразу.

Она тут же заметила Марусю, расплылась в улыбке и всплеснула руками:

— О, ребёнок! Сейчас я тебе такую сказку расскажу, что даже чайник будет слушать, не кипя!

Баюн тут же нахмурился:

— Эй, я тут главный рассказчик! У меня стаж! У меня репертуар!

— А у меня — жизненный опыт, — парировала Яга, снимая платок и вешая его на крючок, который тут же жалобно скрипнул. — И пироги. Я их по дороге напекла. С ягодами. Или с грибами. Или... в общем, с тем, что нашлось. Главное — с любовью!

Кощей вздохнул, будто сдаваясь перед неизбежным:

— Проходи. И пироги ставь. Но забор мы всё-таки обсудим. Хотя бы пять минут.

— Пять минут, — торжественно пообещала Яга. — Ровно пять. А потом — чай.

Пока она доставала из сумки пироги — один с румяной корочкой, другой подозрительно пятнистый, третий вообще казался живым, но Маруся решила не присматриваться слишком внимательно — Кощей и Яга привычно начали поддевать друг друга.

— Ты опять пыль не вытирал, — заявила Яга, проводя пальцем по полке и демонстративно поднимая облачко. — Вижу по усам!

— Это не пыль, — буркнул Кощей, пытаясь отряхнуть усы и только сильнее взъерошив их. — Это благородная пати́на. Так у старинных особняков бывает.

— У старинных особняков, — хмыкнула Яга, — бывает ещё и плесень. Но я не буду про неё. Я добрая сегодня.

Маруся хихикнула, а Баюн важно заметил:

— В культурном обществе не принято указывать хозяевам на пыль. В культурном обществе её вежливо не замечают.

— А в моём обществе, — сказала Яга, усаживаясь за стол, — принято сразу всё замечать, а потом дружно вытирать. Ну, или хотя бы обсуждать. Так веселее.

Чай снова заварили, на этот раз Яга добавила туда какую-то травку, от которой напиток стал пахнуть лесом после дождя и чуть-чуть мёдом. Пироги разложили на тарелке, и даже Баюн, хоть и косился на них с подозрением, всё-таки откусил кусочек и неожиданно признал:

— Знаешь, Яга... а вкусно. Даже если там что-то странное. Странное тоже может быть вкусным.

Яга довольно улыбнулась:

— Вот! А ты всё «сказитель, сказитель». А тут главное — пирог.

Маруся откусила кусочек, зажмурилась от удовольствия и сказала:

— Как будто лето в рот положили. Тёплое, с ягодами и с ветром.

Кощей, который сидел напротив и делал вид, что он тут самый серьёзный, вдруг тихо хмыкнул:

— Да... бывает, что и пирог важнее всех проклятий.

Яга тут же не упустила случая поддеть:

— Слышу, Кощей, ты слабеешь. Ещё немного — и начнёшь улыбаться.

— Я уже улыбаюсь, — проворчал он. — Только незаметно. Чтобы не портить репутацию.

— Зато я замечаю, — тихо сказала Маруся, глядя на него с такой теплотой, что Кощей вдруг захотелось не прятать улыбку, а наоборот — показать, что он тоже рад.

А потом Яга всё-таки начала рассказывать сказку — про лягушку, которая хотела стать звездой, и про сову, которая перепутала день с ночью. Баюн время от времени вставлял свои комментарии: «А я знаю другую версию!», но Яга только отмахивалась:

— Пусть будет моя. У каждой сказки должно быть несколько версий. Как у пирогов — несколько начинок.

Время текло незаметно. За окном небо из серого стало сиреневым, потом золотистым, будто кто-то пролил на него мёд. В замке пахло пирогами, чаем, старой древесиной и чем-то ещё — чем-то очень уютным, как бывает, когда рядом хорошие люди... ну, или не совсем люди, но точно хорошие.

Когда Яга наконец посмотрела на часы (которые висели на стене и показывали что-то среднее между «полшестого» и «когда-нибудь»), она удивлённо всплеснула руками:

— Так, я же на пять минут зашла! Забор! Надо же было про забор...

Кощей только махнул рукой:

— Забор подождёт. Завтра обсудим. Или послезавтра. Или вообще не будем. Пусть стоит кривой. Зато у нас тут... уютно.

— Уютно, — согласилась Яга, допивая чай. — И правильно. Потому что заборы чинят, когда есть время. А друзей — когда есть желание. А желание у нас есть.

Маруся прижалась плечом к спинке стула, счастливая и немного сонная, и прошептала:

— Спасибо за пирог. И за сказку. И за то, что вы все такие... настоящие.

Кощей снова хмыкнул, но теперь в этом хмыканье не было ни капли ворчания — только тихое, тёплое удовлетворение.

А за окном окончательно стемнело, и в небе зажглись первые звёзды — будто кто-то насыпал по тёмному бархату горсть золотых пуговиц. И казалось, что сегодня даже звёзды светят чуть ярче, потому что в мрачном замке Кощей наконец-то стало светло от смеха, разговоров и простого, настоящего уюта.

Глава 4. Игла просит о помощи

Утро в замке началось не с крика петуха — петухов тут отродясь не бывало, — а с тихого шороха и громкого «Ой!» от Маруси.

Она проснулась на лавке, куда ей постелили старое, но чистое одеяло с вышитыми по краю листочками (Кощей потом буркнул, что это «не для уюта, а чтобы не дуло», но Маруся-то видела, что он сам аккуратно расправил уголки). Девочка потянулась, зевнула, и тут взгляд её зацепился за сундук — тот самый, большой, потемневший от времени, с медными уголками и замком, который давно уже не запирался, потому что ключ куда-то запропастился, а может, его и не было никогда.

— А что там внутри? — тихонько спросила Маруся сама у себя, потому что спрашивать вслух казалось чуть-чуть неправильным, будто лезешь в чужой секрет.

Но секрет сам захотел быть услышанным. Из щели сундука донёлся тоненький, почти неслышимый голосок:

— Тут я. И мне очень скучно.

Маруся наклонилась поближе:

— Ты... кто?

— Игла, — вздохнула игла. — Тонкая, острая, и ужасно бесполезная. Меня никто не берёт. Я даже нитку не держала сто лет... А ведь я могла бы что-то сшить. Хоть заплатку, хоть цветочек на платочке. Хоть просто покружиться в пальцах у мастерицы. А вместо этого лежу и... ну, ты понимаешь. Напоминаю про всякое.

Маруся нахмурилась, будто услышала что-то очень несправедливое:

— Это неправильно. У каждой вещи должно быть дело. Даже у пуговицы. Особенно у иглы!

Она осторожно приоткрыла крышку сундука. Внутри было темно, пахло старым деревом и чуть-чуть — корицей, будто когда-то тут хранили пряники. На самой верхней полке, среди лоскутков и пустых коробочек, лежала игла. Она чуть поблескивала, как будто старалась выглядеть хоть чуточку нужной.

— Ну вот, — сказала Маруся, улыбаясь. — Теперь я тебя вижу. И я знаю, что делать. Тебе нужна работа по призванию.

И тут в комнату вошёл Кощей. Он нёс поднос с кружками — чай, видимо, решил сделать сам, чтобы никто не говорил, что у него «всё пыльное и неуютное». Увидев приоткрытый сундук и склонившуюся над ним Марусю, он замер, будто наткнулся на невидимую стену.

— Эй! — воскликнул он, и голос его прозвучал не грозно, а скорее отчаянно. — Не надо! Нельзя трогать! Это... это моя... э-э... важная вещь!

Маруся подняла на него спокойные глаза:

— Да я не ломать. Я помогать. Тут игла скучает. А скучать — это неправильно.

Кощей перевёл взгляд с Маруси на сундук, потом на поднос, который начал опасно крениться, и наконец выдохнул:

— Скучает... Ну да. Кто тут не скучает? Но эту иглу трогать нельзя. Она... она... ну, она особенная.

— Особенная — значит, ей ещё важнее дело, — невозмутимо сказала Маруся и аккуратно, двумя пальцами, взяла иглу. Та тихонько звякнула, будто вздохнула с облегчением. — Я её просто в игольницу положу. Чтобы не скучала. Пусть будет на дежурстве.

— На дежурстве?! — Кощей чуть не уронил поднос. — Да она же... она же...

— Она будет хранить уют, — твёрдо сказала Маруся. — Вот увидишь.

В этот момент в комнату влетел Баюн — не вошёл, а именно влетел, хвостом вперёд, ушами назад и с видом человека, который только что узнал великую тайну:

— Что случилось? Кто кричит? Если это вторжение — я готов! Если это завтрак — я тоже готов!

— Никто не кричит, — спокойно сказала Маруся, укладывая иглу в старую игольницу, обитую синим бархатом, где уже дремали две другие, совсем простые иголки. — Просто мы нашли работу для иглы.

Баюн наклонил голову, прищурился, потом подошёл поближе и шёпотом спросил у иглы:

— Ты правда будешь работать? А не... ну, знаешь, исполнять всякие пророчества?

Игла тихонько звякнула:

— Пророчества пусть исполняют другие. А я хочу шить. Или хотя бы быть рядом, когда шьют. Это тоже важно.

Баюн кивнул, будто это было самое разумное, что он слышал за день:

— Правильно. Пророчества — это громко и страшно. А шить — это тихо и по-домашнему.

Кошей наконец поставил поднос на стол, сел на стул, который протестующе скрипнул, и посмотрел на эту картину: на Марусю, которая так спокойно всё решает; на игольницу, которая вдруг стала чуть ли не центром вселенной; на Баюна, который теперь разговаривал с иголками, как со старыми друзьями.

— Ладно, — проворчал он, но в голосе уже не было грозы, только лёгкая усталость и что-то похожее на смирение. — Пусть будет на дежурстве. Только... если вдруг начнёт пророчествовать — сразу скажите. Я тогда выйду в другую комнату.

Маруся улыбнулась:

— Не начнёт. Она же теперь хозяйка. А хозяйки не пророчествуют. Они заботятся.

И правда: игла лежала в игольнице, чуть повернувшись так, чтобы видеть комнату, и будто бы улыбалась своим острым кончиком.

Тут в дверях показалась Баба-Яга — она, как всегда, появилась вовремя, будто чувствовала, где сейчас самое интересное:

— Чего шумим? Или это я опоздала на вторжение?

— Никакого вторжения, — сказала Маруся. — Мы просто нашли работу для иглы. Теперь она не будет скучать.

Яга подошла, посмотрела на игольницу, потом на Кося, и хитро подмигнула:

— Вот видишь, Кошей, даже игла поняла: сидеть без дела — скучно. Надо что-то делать. Хоть забор чинить, хоть пирог печь, хоть иголку на дежурство ставить.

Кошей только закатил глаза, но тут же спрятал улыбку за кружкой чая:

— Забор... Да пусть он стоит. Сегодня у нас тут... другое важное дело.

А игла тихонько звякнула, будто сказала: «Спасибо». И в комнате стало чуть светлее — не от солнца, а от того, что ещё одна одинокая вещь наконец-то почувствовала себя нужной.

Глава 5. Лесные проблемы: кто-то ворует шишки

Утро выдалось звонкое. Солнце пробивалось сквозь листву, рассыпая по траве золотые монетки, а воздух был такой свежий, будто его только что выстирали и развесили сушиться на ветках. Маруся сидела на крыльце замка, грызла кусочек сухарика (который Яга вчера торжественно назвала «хрустящим воспоминанием о пироге») и слушала, как лес шумит на разные голоса.

И вдруг этот уютный шум разорвал громкий, обиженный крик:

— Шишки! Мои шишки! Кто взял?!

Маруся вскочила и выглянула за ворота. К ним неслась белка — не просто белка, а настоящая вихревая белка: хвост трубой, глаза круглые, лапки мелькают так, что их почти не видно. За ней бежали ещё две белки поменьше — видимо, родственники или верные помощники.

— Что случилось? — спросила Маруся, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё подпрыгивало от любопытства.

Белка остановилась прямо перед ней, упёрла лапки в бока и затараторила:

— У нас пропали шишки! Целых три кучки! Я их аккуратно складывала: вот эти — на зиму, эти — для гостей, а эти — для настроения! А теперь их нет!

Вторая белка, поменьше, всхлипнула:

— Даже ту, с красивым завитком... её тоже нет.

Третья, самая маленькая, прошептала:

— Наверное, это Кощей. У него замок. Значит, он.

Маруся даже возмутиться не успела — со всех сторон уже начали собираться лесные жители. Прискакал заяц, приполз ёжик, прилетели две сороки, которые тут же начали трещать так, будто у них в клювах были маленькие колокольчики. И все хором выкрикивали одно и то же:

— Это Кощей! У него замок! Значит, он!

Тут из дверей вышел Кощей — в халате (который он упорно называл «лёгкой домашней мантией»), с кружкой в руке и лицом человека, который только что хотел спокойно выпить чаю, а вместо этого попал в самый центр скандала.

— Я?! — воскликнул он, чуть не расплескав чай. — Да мне эти шишки зачем? У меня и так в подвале столько сундуков, что я уже не помню, что в каких лежит!

— Но замок! — настаивала главная белка, подпрыгивая на месте. — Замок — это подозрительно!

Маруся шагнула вперёд и твёрдо сказала:

— Кощей ворчать умеет, а шишки ему не нужны. Он даже орехи не ест — говорит, что они «слишком шумные».

Кощей благодарно покосился на неё, будто хотел сказать «спасибо, что не упомянула про то, что я их боюсь», но вслух только проворчал:

— Вот именно. Орехи хрустят. А шишки... они вообще непонятно для чего. Тяжёлые, колючие...

Баюн выскочил на крыльцо, распушил хвост и принял позу великого сыщика:

— Спокойно! Сейчас мы всё выясним! Я, как сказитель и человек с богатым воображением, беру расследование на себя!

Яга, которая появилась откуда-то из-за куста с корзинкой в руках, хмыкнула:

— С богатым воображением — это хорошо. Но давай ещё и с логикой. А то ты сейчас скажешь, что шишки унесли облака.

— Облака?! — загорелся Баюн. — А что, идея! Облака могли...

— Не могли, — спокойно перебила Яга. — Облака мокрые. А шишки сухие. Мокрые шишки никто не ворует. Это неэстетично.

Маруся хихикнула, а Кощей неожиданно хмыкнул — будто ему понравилась эта странная логика.

— Ладно, — сказала Маруся, оглядываясь на собравшихся зверей. — Давайте по порядку. Кто последний видел шишки?

Белка подняла лапку:

— Я! Вчера вечером. Всё было на месте. А утром — пусто. Как будто кто-то пришёл, тихо взял и ушёл.

— Тихо взял... — задумчиво повторил Кощей. — Значит, не грохотал. Значит, не великан. И не дракон — драконы вообще шишки не любят, говорят, чешуя колется.

Баюн тут же подскочил:

— О! Опрос свидетелей! Я умею! Я сейчас всё выясню!

Он подбежал к зайцу и торжественно спросил:

— Уважаемый заяц! Видели ли вы кого-нибудь подозрительного вчера вечером? Может, кого-то с большим мешком? Или с глазами, которые светятся в темноте? Или, скажем, с крыльями, но без перьев?

Заяц заморгал, потом почесал ухо и сказал:

— Я видел... э-э... тень. Большую. И она шевелилась.

— Ага! — воскликнул Баюн. — Тень! Это уже что-то!

— Или это был куст, — тихо добавил заяц. — Который качался. От ветра.

Баюн на секунду задумался, потом махнул лапой:

— Ну, тень или куст — неважно. Главное, что было движение!

Яга покачала головой, но в глазах у неё плясали смешинки:

— Баюн, ты так всех свидетелей запутаешь, что они сами начнут верить в летающие шишки.

— А разве они не летают? — удивился Баюн.

— Нет, — твёрдо сказала Яга. — Не летают. Но катиться могут. Особенно если склон крутой.

Кощей вдруг выпрямился, будто что-то вспомнил:

— Склон... Точно! За поляной, где белки складывали шишки, идёт небольшой спуск к ручью. Вчера был дождь. Земля скользкая.

Маруся посмотрела на него с восхищением:

— Ты думаешь, шишки просто скатились?

Кощей пожал плечами, будто ему неловко было выглядеть умным:

— Ну, может, и скатились. Или их кто-то толкнул. Но не я. И не специально.

— Тогда надо пойти туда и посмотреть! — решительно сказала Маруся.

Все дружно двинулись к поляне. Белки бежали впереди, показывая дорогу, заяц скакал рядом, ёжик катился, стараясь не отставать, а сороки летели сверху и комментировали всё, что видели:

— Вон муравей! Он точно не брал! Он слишком маленький!

— А вот лист! Он подозрительно лежит!

— А вот... опять муравей!

Когда они вышли на поляну, стало понятно, что Кощей был прав. На краю склона, там, где земля была размыта дождём, виднелись бороздки — будто что-то круглое и тяжёлое катилось вниз. А внизу, у ручья, лежали шишки — не все, но многие. Они были мокрые, немного помятые, но целые.

— Ой! — воскликнула главная белка. — Мои шишки! Они просто... уехали!

— Скатились, — мягко поправила Маруся. — Но теперь мы их нашли.

Баюн гордо выпятил грудь:

— Видите? Это я их нашёл! Благодаря моему опросу!

Яга тихонько шепнула Марусе:

— Благодаря Кошее. Он просто подумал. А это иногда важнее, чем много слов.

Кошей сделал вид, что не слышит, но уголки его губ чуть дрогнули.

— Ладно, — проворчал он. — Помогаем собирать. А то тут скоро будет наводнение из белок.

Они принялись собирать шишки. Белки радостно таскали их в свои кучки, заяц помогал, подталкивая те, что лежали далеко, ёжик аккуратно катил шишки к краю поляны, а сороки летали сверху и кричали:

— Сюда! Ещё одна! Вон там, за листом!

Баюн тоже пытался помогать, но то отвлекался на жука, который «смотрел подозрительно», то начинал рассказывать историю про шишку, которая мечтала стать ёлочной игрушкой.

— Баюн! — строго сказала Яга. — Шишки. Не истории.

— Хорошо, — вздохнул Баюн. — Но одну короткую можно? Про шишку-путешественницу?

— Одну, — разрешила Яга. — И быстро.

Пока Баюн торопливо шептал свою историю, Маруся подошла к Кошее, который молча складывал шишки в корзинку, и тихо сказала:

— Спасибо. Ты всё правильно понял.

Кошей покосился на неё и буркнул:

— Да ладно. Просто... не люблю, когда кого-то зря подозревают. Особенно если это я.

Маруся улыбнулась:

— Теперь все знают, что ты не ворует шишки. Зато ты умеешь думать.

Кошей фыркнул, но в этом фыркание не было злости — скорее смущение и что-то похожее на радость.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.